МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ПРИЗНАКИ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ТУПИКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2
УДК 330.1, 330.8
JEL A10, A11

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

В преддверии новой парадигмы экономической науки[1]

Евгений В. БАЛАЦКИЙ ✉
Центральный экономико-математический институт РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Балацкий, Е. В. (2025). В преддверии новой парадигмы экономической науки. *AlterEconomics, 22*(1), 6–21. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2

Аннотация. В статье рассмотрен нынешний методологический тупик экономической науки, который проявляется в феномене ее масштабного самоотрицания, принимающего формы двух взаимосвязанных эффектов. Первый — эффект самоотрицания первого рода — является очень глубоким и связан с молчаливым отрицанием научной общественностью вклада крупнейших экономистов прошлого и невостребованностью их идей и разработок. Второй — эффект второго рода — сопряжен с утратой интереса экономистов к математическому инструментарию исследования операций и с его крайне низкой практической востребованностью. Показано, что потребность в перестройке современного *economics* усиливается тремя обстоятельствами. Первое состоит в происходящей на наших глазах методологической инверсии знания, состоящей в переходе от аддитивного принципа к субстрактивному, второе проявляется в широком распространении в *economics* парадокса Баумана, а третье связано с невозможностью *economics* ответить на самые насущные новые вопросы современности. Всё это позволяет констатировать, что *economics* находится в преддверии новой научной парадигмы. Обосновывается, что в ее основе будут лежать следующие установки: принцип конструирования, согласно которому экономисты будущего будут организовывать новые производственные и социальные системы с заранее заданными свойствами для получения желаемого результата; ликвидация парадокса Баумана, чтобы конкретная задача предшествовала построению моделей и их решений; принцип поликаузальности и включение в теорию идеологии, институтов и географии; принцип формальной мягкости новой науки, когда математическая строгость перестает оказывать самодовлеющее воздействие.

Ключевые слова: экономическая теория, экономический рост, развитие экономического знания, отрицание, методология, парадигма

[1] © Балацкий Е. В. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

On the Verge of a New Economic Science Paradigm

Evgeny V. BALATSKY ✉
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Balatsky, E. V. (2025). On the Verge of a New Economic Science Paradigm. *AlterEconomics, 22*(1), 6–21. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2

Abstract. This article examines the current methodological deadlock in economic science, manifested in a phenomenon of large-scale self-negation, which takes two interrelated forms. The first type of self-negation is deep and involves the academic community quietly dismissing the contributions of major economists from the past, making their ideas and developments seem outdated. The second type of self-negation is linked to economists losing interest in the mathematical tools used for operational research, resulting in their limited practical application. It is argued that the need to restructure modern economics is driven by three key factors. The first is the methodological inversion of knowledge occurring before our eyes, shifting from an additive to a subtractive principle. The second is the widespread presence of Bauman's paradox in economics. The third is the inability of economics to address the most pressing contemporary issues. All of the above suggests that economics stands on the verge of a new scientific paradigm. The article shows that this paradigm will be built on the following principles: a constructivist approach, in which economists will design new production and social systems with predefined properties to achieve desired outcomes; the elimination of Bauman's paradox, ensuring that specific problems precede the development of models and their solutions; the principle of multi-causality, integrating ideology, institutions, and geography into economic theory; and the principle of formal flexibility, where mathematical rigor no longer exerts a self-sufficient influence.

Keywords: economic theory, economic growth, development of knowledge economy, negation, methodology, paradigm

1. Введение

Вряд ли будет ошибкой утверждение, что первый серьезный удар по состоятельности экономической науки был ей нанесен крушением Советского Союза в 1991 г. и последующим развитием событий, ставших откровением для мейнстрима. После этого *economics* некоторое время паразитировал на постсоветских странах, рассматривая переходные процессы в экономике и тем самым углубляя традиционное экономическое знание. Однако научного прорыва не произошло. Это дало основание В.М. Полтеровичу для написания его программной статьи о кризисе экономической теории (Полтерович, 1998). В это же самое время вышла статья Я. Корнаи, в которой он провозгласил необходимость перестройки economics на позициях системного подхода (Kornai, 1998). Дж. Хикс считал, что любой экономический бум, равно как и кризис, рано или поздно должен иссякнуть сам по себе (Хикс, 1993). Наверное, и кризис в науке тоже должен был бы со временем иссякнуть. Вопреки ожиданиям, этого не произошло. Наоборот, в 2007–2008 гг. грянул ипотечный кризис, который окончательно продемонстрировал, что в economics не все благополучно. Это дало основание для новой программной статьи В.М. Полтеровича относительно возможной конфигурации будущего экономического знания (Полтерович, 2011).

Сообщество экономистов консервативно, а потому призывы Я. Корнаи и В.М. Полтеровича остались без внимания, а ситуация и дальше развивалась по уже наметившемуся тренду. Более того, в 2022 г. стартовало масштабное противостояние Запад / Не-Запад, принявшее форму политического столкновения США

и России, которое в свою очередь сгенерировало волну прогнозов ведущих экономистов мира относительно прочности российской экономики, которые потерпели поразительное фиаско. Это позволило констатировать в 2022 г., что в *economics* уже имеет место не просто кризис, а глобальный методологический тупик, т. к. кризис, обозначенный еще в 1998 г., сам по себе за четверть века так ничем и не разрешился (Балацкий, 2022). В связи с этим в 2022 г. был выдвинут тезис о необходимости радикальной перестройки социального знания и создания, по сути, новой науки — социономики (Балацкий, 2022). В 2023 г. это положение было смягчено С.Г. Кирдиной-Чэндлер указанием на тот факт, что в мире развиваются более щадящие тренды по перестройке экономического знания: создание «стыковых» с экономикой наук (нейроэкономика, эконофизика, экономика сложности и т. п.); «мягкая» междисциплинарная конвергенция (обмен моделями и методами анализа); развитие междисциплинарного плюрализма и синтеза (Кирдина-Чэндлер, 2023). С этим тезисом можно согласиться лишь частично.

Дело в том, что такие дисциплины, как нейроэкономика и эконофизика, пока так и не дали долгожданных положительных результатов; фактически они по-прежнему остаются некими аналитическими упражнениями, не более. Междисциплинарная конвергенция привела к масштабному обмену инструментальным багажом между социальными науками (например, между экономикой и политологией, экономикой и социологией), но это так же не привело к зримому прорыву. Что же касается плюрализма и синтеза, то здесь ситуация видится следующим образом. Во-первых, на практике плюрализм и синтез плохо различимы: удачный плюрализм превращается в синтез, а неудачный синтез — в плюрализм; фактически это движение с разных сторон к одной цели, но на одной методологической основе. Во-вторых, даже удачный синтез не решает главных проблем экономического знания — его значительной оторванности от реальности и неспособности давать конструктивные практические рекомендации.

Разумеется, независимо ни от чего, методологическая мысль развивалась. Например, были вскрыты мировоззренческие и методологические барьеры развития системной парадигмы в экономике (Кирдина-Чэндлер, 2021), противоречия между формальной строгостью и этической нейтральностью economics и его низкой точностью и объективностью (Нифаева, 2022). Было раскрыто влияние идеологии на характер экономического знания (Полтерович, 2017b), а также зависимость идеологической ортодоксии экономической теории от фаз технологических и регуляторных циклов (Толкачев, 2024). Одновременно с этим развивалась системная парадигма экономических исследований (Клейнер, 2023), предполагавшая увязку *economics* с системой управления и теорией организации. Предлагалось перестроить экономическое знание путем системного сочетания экономической теории, политики, управления экономикой и хозяйственной практики (Клейнер, 2024). Были рассмотрены и перспективы институционального синтеза (Кирдина-Чэндлер, 2021). Иногда даже высказывались весьма оптимистические суждения по поводу наметившихся успехов в обновлении *economics*. Так, констатировался прорыв в 20-е гг. XXI столетия в области использования методов и моделей эконофизики в экономике и состоявшийся союз экономической теории и математической физики (Полтерович, 2017a). Высказывалась и надежда, что впереди нас ожидает великий синтез на базе двух методологических канонов — равновесной и институционально-исторической школ (Полтерович, 2022). Однако все эти подходы

и надежды пока не приняли конкретной формы и не дали примеров по-настоящему удачного воплощения.

Всё сказанное и обусловило возврат к старой проблеме: как преодолеть тот методологический тупик, в котором оказалась экономическая наука? В связи с этим цель статьи состоит в раскрытии двух взаимосвязанных вопросов: в демонстрации того факта, что экономическое знание вступило в фазу активного самоотрицания, что само по себе является убедительным подтверждением наличия методологического тупика; а также в описании основных контуров той новой научной парадигмы, которая способна вытащить economics из нынешнего тупика.

2. Самоотрицание в сфере математического сегмента экономики

В литературе уже отмечался тот факт, что в XXI в. западное сообщество вступило в фазу глобального самоотрицания, включая отрицание религии, истории, морали, права и науки (Balatsky, 2022). Этот тренд довольно уверенно проецируется и на экономическое знание.

Здесь хотелось бы отметить довольно странную и во многом парадоксальную ситуацию, сложившуюся в математическом сегменте *economics*. Для этого следует вспомнить, что существуют разделы математики, которые своим появлением обязаны экономическому знанию и его задачам: линейное, нелинейное и динамическое программирование, теория игр, эконометрика и теория массового обслуживания. Этот комплекс дисциплин образует платформу исследования операций. Сюда следовало бы добавить такое своеобразное направление, как магистральная теория, которая, не будучи самостоятельным разделом математики, всё же породила массу интересных математических результатов в виде так называемых теорем о магистрали — в слабой, сильной, полуслабой и полусильной формах. Еще в 1980-х гг. эти направления бурно развивались, и на них возлагались большие надежды.

Как же обстоит дело сейчас? Если теория двойственности в линейном программировании была чуть ли не альфой и омегой *economics* 1980-х гг., симплекс-метод стал стандартом математической грамотности экономистов, а профессиональные математики разрабатывали все более совершенные методы численного решения соответствующих задач и их упаковывания в пакеты прикладных программ, то сегодня этот инструментарий вообще не используется. Причем степень забвения этого аппарата впечатляет — многие студенты уже не знакомятся с этим направлением. Похоже, что оно себя не просто исчерпало, но и полностью дискредитировало. По крайней мере, востребованность теории двойственности сегодня нулевая.

Еще хуже ситуация наблюдается в нелинейном программировании. В 1980-е гг. стандартом экономической состоятельности экономиста выступало знание условий Куна–Таккера, а математики изощрялись в разработке градиентных методов численного решения нелинейных задач оптимизации. Сегодня это направление постигло полное забвение. Никому даже в голову не приходит тратить усилия на дальнейшее развитие математической теории этого раздела.

В динамическом программировании уравнение Беллмана приобрело почти метафорическое значение. Более того, с ним была связана новая экономическая и математическая философия — многошаговая оптимизация. Шел активный поиск зон практического применения многошаговой оптимизации, что даже привело к созданию теории управления запасами. Однако сегодня эти задачи остались в прошлом, и возродить интерес к ним представляется нереалистичным.

Теория массового обслуживания породила свои метафорические образы — просеянный поток Эрланга и многоканальные системы так же стали нормой научной культуры экономистов. Возможно, из-за того, что теория массового обслуживания стояла особняком для нужд экономической теории, то и интерес к ней упал стремительнее, чем к остальным разделам математической теории оптимизации.

Магистральная теория дала не только знаменитый луч фон Неймана (магистраль) и многочисленные теоремы, но и использовалась для синтеза разных задач. Например, в качестве «тела» магистральных задач использовались межотраслевые модели, что позволяло превращать абстрактную математику в более содержательные экономические задачи, что в свою очередь подпитывало ожидания в отношении возможностей этого направления. Однако сегодня магистральная теория подверглась, пожалуй, самому серьезному забвению, когда складывается впечатление, что ее никогда и не было.

Из всего арсенала математической теории оптимизации «выжила» только теория игр, за которую до сих пор присуждают Нобелевские премии и которая стала нормой для теоретических исследований в области экономики. Осуществляются и даже публично объявляются попытки практического использования результатов теории игр, однако на поверку это оказывается мифом — речь идет о сугубо теоретических экспериментах. Примером «впечатляющих» практических результатов теории игр может служит тезис, строго доказанный Нобелевским лауреатом по экономике Р. Ауманом, что наивное миротворчество может привести к войне, а гонка вооружений и достоверная угроза войны с взаимным гарантированным уничтожением могут надежно предотвратить войну. Только вопрос состоит в том, нужно ли математически доказывать этот тезис и, что самое главное, как теперь, когда мир стоит на грани ядерной катастрофы, его применить в реальной политике. Такой «стрельбы по воробьям» в теории игр много, а удачные практические внедрения надо искать — и не факт, что найдешь.

Еще одно направление математики, которое сохраняется, — эконометрика. Альтернативы этому направлению нет, а потому оно сохраняет свои позиции. Однако уже сейчас эконометрика превратилась в инструмент анализа, а не прогноза или принятия решений. Примерно та же судьба постигла общую теорию равновесия, которая сегодня гораздо лучше используется экономическими историками для анализа процессов многовековой давности, нежели для современных среднесрочных прогнозов.

Здесь не место рассуждать о причинах постепенного забвения математических достижений экономики, тем более что таковых много. Гораздо важнее обозначить сам факт того, что мы находимся в исторической точке, в которой востребованность «новых» разделов математики катастрофически снизилась. Похоже, что знаменитые задачи о коммивояжере, о раскрое материалов, транспортные и другие задачи постепенно утратили свое значение[1]. Разумеется, кое-кто и кое-где продолжает использовать аппарат исследования операций, но, во-первых, это делается, как правило, для сугубо теоретических исследований, никак не проецирующихся в реальную жизнь, а во-вторых, это удел одиночек-маргиналов, интерес к работам которых могут проявить только такие же одиночки-маргиналы. Значимого влияния на формирование новых концептов эти работы уже не оказывают.

[1] Алексеева, Е. В. (2012). *Построение математических моделей целочисленного линейного программирования*. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 131.

Напрашивающийся вывод из сказанного прост: математические разделы исследования операций уже не стимулируют научной мысли экономистов. И что не менее важно — они так и не получили широкого практического использования, что предполагалось в момент формирования новых разделов математики. Данное явление здесь и далее будем называть эффектом самоотрицания второго рода и понимать под ним утрату интереса экономистов к математическому инструментарию исследования операций и его крайне низкую практическую востребованность.

3. Самоотрицание в сфере содержательных идей и имен

Помимо инструментальных нюансов, в *economics* всегда было множество содержательных идей с их авторами, что и позволило построить «именную» экономическую науку. В связи с этим правомерно задаться вопросом по поводу таких идей и имен: как с ними обстоит дело?

Ответ на поставленный риторический вопрос очевиден: ключевые экономические идеи и имена их родоначальников также постепенно подвергаются забвению. Для иллюстрации этого тезиса рассмотрим несколько показательных примеров.

Одной из самых ярких фигур *economics* XX в., несомненно, является личность П. Самуэльсона, который стал пионером в огромном числе научных направлений — теории циклов, моделей перекрывающихся поколений, проблем внешней торговли и т. п. Авторитет и цитируемость этого экономиста были феноменальными. Достаточно напомнить, что в день смерти экономиста в статье-некрологе о нем «The New York Times» назвала П. Самуэльсона «самым выдающимся академическим экономистом XX века»[1]. Казалось, что этому столпу экономической науки не страшно время и его вклад всегда будет самоочевидным. Однако сегодня имя П. Самуэльсона медленно, но верно забывается. Все его работы устарели, ссылки на них уже не уместны, все идеи отработаны, а многие из них оказались тупиковыми. Ссылки на статьи Самуэльсона сегодня являются музейной редкостью.

Другим гигантом современного *economics* считался В. Леонтьев, чье имя также фигурировало почти повсеместно: в теории внешней торговли, статистического агрегирования, в макроэкономике и, прежде всего, в методологии межотраслевых моделей всех видов (статических, динамических, с экологическим ущербом и т. п.). За свои модели он получил прозвище «апостола планирования», а отечественный экономист А. Аникин еще в 1999 г. отмечал, что авторитетная международная Энциклопедия общественных наук считает вклад Леонтьева в экономическую науку сравнимым с тем, какой внесли в нее А. Смит и Дж. М. Кейнс, тогда как последних можно уподобить Ньютону и Эйнштейну экономической науки[2]. Всё это позволяло надеяться, что наследие В. Леонтьева будет вечным, а его идеи не умрут. Однако, как сегодня можно видеть, и эта надежда оказалась тщетной — несмотря на приведенные эпитеты, ссылок на работы Леонтьева в современных статьях уже просто невозможно встретить.

Еще одним патриархом современного economics по праву считается Г. Беккер, который стоит у истоков множества новых разделов экономической теории —

[1] См.: Weinstein, M. M. (2009, December 13). Paul A. Samuelson, Economist, Dies at 94. *The New York Times*. https://www.nytimes.com/2009/12/14/business/economy/14samuelson.html (дата обращения: 11.11.2024).

[2] См.: Аникин, А. (1999, 17 февраля). Патриарх тотального планирования. *Журнал «Коммерсантъ Деньги»*. https://www.kommersant.ru/doc/22491 (дата обращения: 11.11.2024).

экономики дискриминации, теории человеческого капитала, экономики преступности, новой теории потребления, экономики семьи и т. п. Помимо этого, он в 1985–2004 гг. был колумнистом американского делового издания «Business Week», а с 2004 г. вел вместе с судьей Р. Познером блог, являвшийся самым цитируемым в среде профессиональных экономистов[1]. И, как справедливо отмечал Р.И. Капелюшников, Беккер был чуть ли не самым цитируемым экономистом на Земле и одним из самых виртуозных, ибо почти все его модели неизменно завоевывали репутацию классических и становились базовыми для дальнейших разработок (Капелюшников, 1993). Казалось, такому титану ничто не угрожает, однако сегодня мы видим все ту же картину — и его наследие подверглось забвению. Хотя ныне на Г. Беккера еще можно встретить редкие ссылки, это связано не с особой ценностью его работ, а с тем, что его творческая деятельность закончилась позже, чем у Самуэльсона и Леонтьева.

Таким образом, мы видим некое системное отрицание современной наукой даже тех идей и результатов, которые считались классическими. Разумеется, список классиков, которых постигла участь несправедливого забвения, может быть продолжен, что говорит о системности рассматриваемого явления.

Но это не всё! Сегодня формируется тенденция к откровенному дезавуированию классиков, если не сказать к их очернению. Наиболее «свежим» и ярким примером тому может служить научный бестселлер Д. Аджемоглу и С. Джонсона (2024), в котором они на протяжении всей книги многократно и в уничижительных тонах упоминают Мальтуса. И, надо сказать, делается это непрофессионально. Например, на с. 146 они утверждают, что «свидетельства средневековой Европы решительно опровергают идею „мальтузианской ловушки”», а на с. 181 они заявляют, что «средний рост выработки на душу населения в течение долгих периодов времени почти не отличался от нуля» (Аджемоглу, Джонсон, 2024). Тем самым, дойдя до отрицания самого факта мальтузианской ловушки, существование которой считается общепризнанным, авторы дошли до противоречия самим себе. Так воспринимают наследие Мальтуса последние Нобелевские лауреаты по экономике! Это становится особенно странным и поразительным, если вспомнить, что упоминавшийся выше П. Самуэльсон на всю жизнь запомнил день, когда он родился как экономист — это был день, когда он услышал свою первую лекцию в колледже о Т. Мальтусе, изучавшем взаимосвязь между бедностью и ростом населения[2]. И упоминавшийся выше Г. Беккер в своей нобелевской лекции отдал дать уважения Мальтусу, подчеркивая тот факт, что необходимость преодоления ограничений его теории явилась исходным пунктом для создания теории человеческого капитала и новой экономики семьи (Беккер, 2003).

Данный пример говорит о том, что даже среди Нобелевских лауреатов по экономике сформировалось, по крайней мере, два поколения: старое, которое подпитывалось идеями классиков прошлого, и новое, которое отрицает или не ценит усилий своих предшественников. Вряд ли здесь следует искать какие-то осо-

[1] См.: Крылов, Д., Логинов, Г. (2010). Интервью с Гэри Беккером: «Считаю, хорошая идея — заниматься экономической социологией». *Экономическая социология, 11*(3), 8–12. https://www.hse.ru/data/2011/02/27/1211505522/Becker--RUS--EcSoc.pdf (дата обращения: 11.11.2024).

[2] См.: Weinstein, M. M. (2009, December 13). Paul A. Samuelson, Economist, Dies at 94. *The New York Times*. https://www.nytimes.com/2009/12/14/business/economy/14samuelson.html (дата обращения: 11.11.2024).

бые причины подобной позиции. Скорее всего, новое поколение переосмысливает действительность, которая сильно изменилась со времени не только классиков, но и первых Нобелевских лауреатов по экономике. Сегодня другой мир, и знания прошлого для него устаревают, ставятся нерелевантными.

Эту позицию можно принять в качестве рабочей гипотезы, но это не снимает глубоких проблем в современном *economics*. Например, можно смело утверждать, что ни один Нобелевский лауреат нового поколения, условно датируемого с начала XXI в., не сопоставим с тем влиянием на научную жизнь, которую оказывали экономисты старого поколения. Имена и научные результаты новых лауреатов забываются почти сразу после присуждения им премии.

Здесь и далее рассмотренный феномен будем называть эффектом самоотрицания первого рода и понимать под ним молчаливое отрицание научной общественностью вклада крупнейших экономистов прошлого и невостребованность их идей и разработок.

Подобный эффект забвения по отношению к фундаментальным научным идеям и разработкам в области экономики, именам их создателей и целым разделам математики свидетельствует о том, что economics не просто переживает кризис, а находится в методологическом тупике. Подобные масштабные методологические тупики связаны с исчерпанием возможностей старой парадигмы и необходимостью перехода к новой. Именно в этой развилке и находится современная экономическая наука.

4. Причины эффекта самоотрицания в economics

Если попытаться раскрыть причины возникшего глобального эффекта самоотрицания, то их можно назвать множество, но вполне достаточно указать только на некоторые из них.

Первая состоит в том, что на наших глазах поменялась субпарадигма экономического знания в части сохранения своего багажа. Так, если еще до XXI в. *economics* развивался по схеме аддитивного знания, то после — по схеме субстрактивного. Согласно Н. Талебу, аддитивное знание формируется по принципу добавления нового к уже имеющемуся старому, а субстрактивное (разностное) знание создается путем вычитания из имеющегося багажа того, что уже нерелевантно, с сохранением главного (Талеб, 2012, с. 207). Здесь и далее указанное явление будем называть инверсией познавательной парадигмы, когда происходит переход от аддитивного принципа к субстрактивному.

Указанная инверсия познавательной парадигмы является вполне естественным процессом, когда накапливается не просто слишком много информации и специальных знаний, но они еще имеют и большой процент брака, когда в арсенале науки оказывается множество теорий, моделей, концепций и исследований, не имеющих никакого шанса быть использованным ни на практике, ни в дальнейших теоретических изысканиях. Со временем процент брака растет, ибо наука замыкается сама на себя, не предполагая широкого применения в иных сферах. Судя по всему, этот процесс в той или иной степени характерен для всех наук без исключения, однако в *economics* сегодня эта тенденция обозначилась особенно ярко.

В основе инверсии познавательной парадигмы лежит три взаимосвязанных процесса: во-первых, предлагаемые теории и модели становятся все более сложными и головоломными, во-вторых, их становится неимоверно много, в-тре-

тьих, они имеют все меньше связей с реальностью, будучи чрезмерно абстрактными и искусственными. Пользуясь метафорой З. Баумана, можно утверждать, что в *economics* постепенно возобладал абсурдистский принцип: «Мы нашли решение. Давайте теперь найдем проблему» (Бауман, 2008, с. 69). В связи с этим ситуацию, когда описания и решения моделей начинают опережать процесс постановки задач, здесь и далее будем называть парадоксом Баумана. Однако большинство исследователей и членов общества двигаться в направлении широкого распространения парадокса Баумана не желают, в связи с чем актуализируется масштабная инвентаризация накопленного арсенала *economics* с вымыванием из него всего неконструктивного. Но и инвентаризация уже сама по себе является слишком затратной процедурой, что выводит на повестку дня формирование новой научной парадигмы и переписывания всего наследия экономики с иных методологических позиций. В этой исторической точке и находится сегодня пресловутый *economics*.

5. *Economics* перед вызовами современности

Любая новая научная парадигма формируется под давлением новых вызовов и обстоятельств, на которые она призвана дать ответ. На какие же вопросы должен ответить обновленный *economics*?

Не претендуя на полноту, постараемся самыми общими мазками нарисовать картину запросов к экономическому знанию. Для этого вспомним чрезвычайно интересную инициативу И. Паласиоса-Уэрты, который опросил самых знаменитых именитых экономистов мира, что ждет человечество через 100 лет (Паласиос-Уэрта, 2016). Результат оказался весьма странным — практически все экономисты не увидели принципиальных экономических проблем в обозримом будущем, но сошлись во мнении, что главные угрозы человечеству исходят от безответственности политиков, морального разложения населения и изменяющегося климата. Всё это происходит на фоне исчерпания естественных возможностей планеты из-за перенакопления человеческой биомассы и варварского отношения к природе. В этой связи достаточно указать, что в течение всей человеческой истории на сжигание добытой нефти, каменного угля, газа и т. п. было израсходовано $224 \cdot 10^{12}$ кг кислорода, а за последние 50 лет — примерно $226 \cdot 10^{12}$ кг, т. е. за последний короткий интервал времени кислорода израсходовано больше, чем за весь антропогенный период до этого (Ковальчук, 2021).

Такая обстановка порождает новые социальные императивы. В частности, уже в 2011 г. Р. Хейнберг утверждал, что экономический рост достиг физического предела и на его пути стоят три непреодолимых препятствия: истощение важных природных ресурсов (нефть, металлы, тяжелые элементы и пр.); ухудшение экологической обстановки (загрязнение мирового океана, ухудшение воздуха в городах, изменение климата и т. п.); перенакопление государственной и негосударственной задолженности (невозможность возврата кредитов на образование, гигантские внешние долги США, Китая, Японии, которые уже нельзя погасить без экономической катастрофы для всего мира, и т. п.) (Heinberg, 2011). Как оказалось, наш мир конечен, и вопрос остановки экономического роста — это лишь вопрос времени. Следовательно, человечество находится перед необходимостью формулировки новой парадигмы развития. Например, М. Вейцман видит выход из создавшегося экологического тупика в переходе к доктрине совместной эволюции людей и природы (Паласиос-Уэрта, 2016). Однако такая доктрина основана на тех мо-

ральных принципах, которые пока не разделяются большинством людей и, прежде всего, лицами, принимающими стратегические решения. Например, сегодня мир снова оказался очень близко к ядерной катастрофе: критерий выгоды толкает национальные правительства на опасные действия, в ответ на которые предлагается доктрина ядерного устрашения со всеми вытекающими отсюда следствиями (Тренин и др., 2024).

Описанную ситуацию можно назвать эффектом глухоты экономического знания, когда традиционные разделы *economics* категорически не могут ответить на вставшие перед человечеством совершенно новые вопросы. Складывается впечатление, что экономисты просто не хотят обращать внимание на глобальные запросы цивилизации, оставаясь в кругу своих мелких и «удобных» научных проблем.

Из сказанного ясно, что если само человечество оказалось перед лицом новой парадигмы своего дальнейшего существования, то и современный *economics* так же нуждается в принципиально иной научной парадигме. При этом уже есть понимание того, от чего следует отталкиваться при формировании новой парадигмы.

Во-первых, всем ясно, что мир крайне сложен и его уже нельзя адекватно описать простыми моделями, а сложные модели не имеют смысла, поскольку с ними нельзя эффективно работать. Следовательно, проблема состоит не в совершенствовании описания, а в углублении понимания происходящих процессов, причем не столько на количественном, сколько на качественном уровне. Конкретизируя данный тезис, можно утверждать, что нам надо устанавливать не поверхностные, а глубинные связи, под которым в свою очередь лежат определенные механизмы, расшифровка и понимание которых и является конечной целью.

Во-вторых, призыв В.М. Полтеровича о необходимости снятия претензий экономической теории на открытие универсальных законов, с одной стороны, не подвергается сомнению, а с другой — просто игнорируется (Полтерович, 1998). В целом же уже вполне понятно, что погоня *economics* за универсальностью превратилась в бессмысленное занятие, от которого следует отказываться в пользу текущих задач и нужд. Для этого необходимо переосмыслить понятие универсальности научного результата в экономике, под которой подразумевается воспроизводимость неких моделей поведения социальных систем и ее участников в пространстве и времени. В связи с этим должен идти поиск подобных универсалий, которых не может быть много. В остальном же нужно соотносить эти редкие универсалии с конкретными условиями и обстоятельствами для понимания возможного хода событий.

В-третьих, сегодня уже ясно и то, что мир экономики — это мир рукотворный. Каким мы его спроектируем и построим, таким он и будет. Поэтому сегодня задача смещается от исследования некоего объективного экономического мира в пользу субъективных проектов по созданию экономики с заданными свойствами, а эта установка выводит на первое место вопросы управления экономической реальностью, а не его описания. Следовательно, сам *economics* в перспективе должен превращаться в науку об управлении, а задача науки все больше смещаться в сторону конструирования новых и работоспособных социальных систем и подсистем. В этом смысле *economics* в перспективе будет больше похож на проектный анализ и разновидность бизнеса, нежели на теоретические упражнения аналитиков. При этом сами знания будут более динамичными, т. е. они будут подтверждаться и уточняться в процессе реализации социального проекта, а не выводиться изначально из абстрактных постулатов и умозрительных построений.

В-четвертых, сегодня *economics* должен отвечать уже на совсем другие вопросы, нежели 100 или 50 лет назад. Например, сегодня надо понять, как человечество может жить и развиваться в условиях демографической и экономической депрессии. Как обеспечить рост качества жизни огромного числа людей без риска окончательно погубить природу и планетарную экологию? Какая политика должна проводиться странами — обладательницами ядерного оружия, чтобы предотвратить развязывание планетарной катастрофы и вместе с тем не ущемлять интересы участников ядерного клуба? Какими должны быть города и сёла, чтобы они сохраняли экономическую состоятельность и пригодность для нормальной жизни? И т. д. и т. п. Однако все эти вопросы крайне далеки от простых и во многом технических вопросов современной макроэкономики о том, какими должны быть учетная ставка, налоговое бремя или валютный курс. Фактически сегодняшние вопросы уже не вписываются в традиционные задачи макро- и микроэкономики, которые в будущем будут крайне слабо востребованы обществом.

Всё это и говорит, что мы стоим на пороге новой научной парадигмы, которая будет качественно отличаться от прежней.

6. Контуры новой парадигмы

Выше мы отметили параллель между необходимостью изменения парадигмы развития человеческой цивилизации и научной парадигмы *economics*. Аналогичным образом можно опереться на параллель в том, как могут развиваться мир и экономическая наука. И здесь надо признать важный факт: XXI в. является веком конструирования новой искусственной реальности. Высшим технологическим воплощением этой идеи выступают нанотехнологии, которые предполагают сборку макрообъектов с заранее заданными свойствами из элементарных материалов — атомов и молекул. Такое конструирование продуктов является весьма экономичным и щадящим по отношению к природе (Ковальчук, 2021). Тогда мы вправе задаться вопросом: не является ли этот культурно-технологический тренд универсальным и вполне пригодным для *economics*?

Ответ напрашивается сам: да. Для пояснения этого ответа рассмотрим несколько положений, которые должны лечь в основу новой научной парадигмы экономического знания.

Первое положение — принцип конструирования, согласно которому экономисты будущего будут организовывать производственные и социальные системы с заранее заданными свойствами для получения желаемого результата. Действительно, новая реинкарнация *economics*, как бы она ни называлась, будет наукой о конструировании социальных систем и управлении ими. Отныне экономисты (или социономы?) не будут пассивно наблюдать экономику наподобие астрономов, а будут сами ее «лепить» и контролировать ее последующее функционирование. В этом смысле *economics* в буквальном смысле превратится в социальную алхимию, о которой много лет назад говорил Дж. Сорос (1996). Разумеется, это не прямой эквивалент нанотехнологий, ибо исходные элементы в виде отдельных людей и социальных коллективов не так просты, как молекулы и атомы, однако явная аналогия все-таки имеет место. Такая алхимия всегда существовала, но в XXI в. она становится тотальной. Первым шагом в этом направлении стало создание теории реформ в качестве нового направления *economics* (Полтерович, 2007). По-видимому, в дальнейшем это направление способно превратиться в общую теорию экономического проектирования.

Второе положение — примат конкретной задачи над абстрактной теорией и ликвидация парадокса Баумана. Надо сказать, что нового в таком развороте науки не так много, ибо подобная деятельность велась всегда. Однако важным отличием от нынешнего *economics* будет абсолютный приоритет реальной задачи. В свое время математик В.Г. Евстигнеев говорил, что в математике есть такие задачи, ради которых придумывается вся теория. Именно этот принцип был нарушен *economics* в предыдущие десятилетия за счет массового распространения парадокса Баумана. Эта порочная практика должна быть прекращена. Сначала ставится конкретная, пусть и очень масштабная, задача, а потом под нее строятся модели и схемы ее решения. Иными словами, в будущем произойдет возврат к классической науке, когда теории будут разрабатываться под реальные задачи, а нынешний отрыв одного от другого будет преодолен. Это автоматически решит проблему практической невостребованности современных экономических исследований. Критерием же правильности научных идей и теорий станет получение запланированного результата на основе спроектированной на их основе социальной системы.

Третье положение — принцип поликаузальности, который должен стать следующим новым элементом обновленного *economics* с сопутствующим ему более высоким уровнем общности. Новая наука будет аккумулировать не только чисто экономические свойства проектируемой системы, но и такие элементы, как институты, идеология и география, не стремясь их свести друг к другу или соподчинить их. Тем самым все факторы развития социальной системы будут увязаны в единый узел и сопрягаться с конкретными условиями их реализации. В этом смысле перспективы институционального синтеза, намеченные в работе (Кирдина-Чэндлер, 2021), кажутся беспочвенными, ибо институты будут всего лишь одним из тех строительных блоков, которые сами складываются из других элементов, а потом служат укреплению общей конструкции. Станут бессмысленными и обвинения в адрес идеологий (Полтерович, 2017b), ибо сами идеологии будут разрабатываться под поставленные задачи и станут также элементом конструирования новой реальности. В качестве базы, цементирующей все научные построения, снова будут выступать природные ресурсы. Общность ресурсов и станет залогом общности любых теорий.

И, наконец, четвертое положение — принцип формальной мягкости новой науки, когда формальная строгость перестает оказывать самодовлеющее воздействие. Будущие теории уже не будут претендовать на формальную непротиворечивость и полноту. Главной доминантой теории станут исторические обстоятельства, генерирующие задачи, которые в свою очередь предопределяют характер теоретических построений. Новый *economics* будет больше похож на философию, нуждающуюся в приложении к конкретной ситуации, а не на набор моделей, из которых, по мнению Д. Родрика, в нужный момент следует выбрать наиболее подходящую (Родрик, 2017). Будут отброшены примитивные тезисы и «теоремы» современной теории. Например, демократические институты перестанут быть нетленной ценностью, а станут лишь одним из социальных кирпичей по конструированию реальности. Например, Дэн Сяопин провел закон, разрешающий занимать высшие посты в партии и государстве не более двух 5-летних сроков подряд, а Си Цзиньпин добился отмены этого закона. Традиционная постановка вопроса, направленная на обвинение Си Цзиньпина в отступлении от демократических традиций, в таком контексте теряет смысл. Указанные действия связаны с внешними условиями: если в условиях мирного экономического развития и стратегического партнерства

Китая и США Дэн Сяопин заранее наметил себе преемника (Цзян Цзэминя) и приемника своего приемника (Ху Цзиньтао) и обеспечил преемственность выбранного стратегического курса, то в условиях обострения отношений Китая и США и повышенного риска возникновения «цветных революций» Си Цзиньпин вынужден был отменить политическую демократию (Овчинников, 2021, с. 55). При такой постановке задачи демократия становится разменной монетой в деле поддержания стабильности и эффективности политической системы, а следовательно, и экономического курса.

7. Заключение

Выше была сделана попытка бросить взгляд на ситуацию, сложившуюся в настоящее время в области экономического знания, синонимом которого выступает *economics*. В этих целях было показано, что нынешний методологический тупик экономической науки проявляется в ее самоотрицании, которое принимает формы двух взаимосвязанных эффектов. Первый — эффект первого рода — является очень глубоким и связан с молчаливым отрицанием вклада крупнейших экономистов прошлого и невостребованностью их идей и разработок. Второй — эффект второго рода — сопряжен с утратой интереса экономистов к математическому инструментарию исследования операций и с его крайне низкой практической востребованностью. Подобные проявления недвусмысленно говорят, что *economics* находится в глобальном тупике, выход из которого возможен только путем кардинальной смены научной парадигмы и принципиальной перестройки экономического знания.

Потребность в указанной перестройке *economics* дополнительно усиливается тремя обстоятельствами. Первое состоит в происходящей на наших глазах методологической инверсии знания, состоящей в переходе от аддитивного принципа, когда знание формируется по принципу добавления нового к уже имеющемуся старому, к субстрактивному, когда знание создается путем вычитания из имеющегося багажа того, что уже нерелевантно. Второе обстоятельство состоит в широком распространении в *economics* парадокса Баумана, согласно которому описания и решения моделей начинают опережать процесс постановки задач. Третье обстоятельство связано с тем, что перед человечеством встали совершенно новые вопросы, на которые традиционные разделы economics ответить категорически не могут. Преодолеть эти обстоятельства без кардинальной перестройки *economics* не представляется возможным.

В связи с этим можно предположить, что в основе новой парадигмы *economics* будут лежать следующие установки: принцип конструирования, согласно которому экономисты будущего будут проектировать и организовывать производственные и социальные системы с заранее заданными свойствами для получения желаемого результата; ликвидация парадокса Баумана, чтобы конкретная задача предшествовала построению моделей и их решений; принцип поликаузальности и включение в теорию даже таких групп факторов, как идеология, институты и география; принцип формальной мягкости новой науки, когда формальная строгость перестает оказывать самодовлеющее воздействие. Эти положения не исчерпывают своеобразия будущего *economics*, но без них построение нового конструктивного знания вряд ли состоится.

Список источников

Аджемоглу, Д., Джонсон, С. (2024). *Власть и прогресс*. Москва: АСТ, 544.

Балацкий, Е. В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к социономике. *Социальное пространство, 8* (4), 1–19. https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2

Бауман, З. (2008). *Текучая современность*. Санкт-Петербург: Питер, 240.

Беккер, Г. С. (2003). *Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории*. Москва: ГУ ВШЭ, 672.

Капелюшников, Р. И. (1993). Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию. *США: экономика, политика, идеология,* (11), 17–23.

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2021). Системная парадигма и перспективы «институционального синтеза» в экономике. *Экономическая наука современной России, 94* (3), 17–32. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-17-32

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2023). О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов. *AlterEconomics, 20* (1), 59–78. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4

Клейнер, Г. Б. (2023). Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях. *Управленческие науки, 13* (1), 6–19. https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-1-6-19

Клейнер, Г. Б. (2024). Системная экономика, справедливое общество, эффективная конкуренция: императивы завтрашнего дня. *Современная конкуренция, 18* (4), 6–20. https://doi.org/10.37791/2687-0657-2024-18-4-6-20

Ковальчук, М. В. (2021). *Идеология природоподобных технологий*. Москва: Физматлит, 336.

Нифаева, О. В. (2022). Противоречивые последствия этической нейтральности и формализации экономической теории. *AlterEconomics, 19* (4), 563–583. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.1

Овчинников, В. В. (2021). *Два лица Востока: впечатления и размышления от одиннадцати лет работы в Китае и семи лет в Японии*. Москва: АСТ, 384.

Паласиос-Уэрта, И. (ред.) (2016). *Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее*. Москва: Издательство Института Гайдара, 304.

Полтерович, В. М. (1998). Кризис экономической теории. *Экономическая наука современной России,* (1), 46–66.

Полтерович, В. М. (2007). *Элементы теории реформ*. Москва: Экономика, 447.

Полтерович, В. М. (2011). Становление общего социального анализа. *Общественные науки и современность,* (2), 101–111.

Полтерович, В. М. (2017a). Теория эндогенного экономического роста и уравнения математической физики. *Журнал Новой экономической ассоциации, 35* (2),193–201.

Полтерович, В. М. (2017b). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs. идеология. *Журнал Новой экономической ассоциации, 35* (3), 198–206.

Полтерович, В. М. (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов. *Вопросы теоретической экономики,* (1), 48–57. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57

Родрик, Д. (2017). *Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки»*. Москва: Издательство Института Гайдара, 256.

Сорос, Дж. (1996). *Алхимия финансов*. Москва: Инфра-М, 416.

Талеб, Н. Н. (2012). *О секретах устойчивости: Эссе; Прокрустово ложе: Философские и житейские афоризмы*. Москва: КоЛибри, Азбука-Атгикус, 240.

Толкачев, С. А. (2024). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии. *Terra Economicus, 22* (3), 6–20. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20

Тренин, Д., Авакянц, С., Караганов, С. (2024). *От сдерживания к устрашению*. Москва: Молодая гвардия, 152.

Хикс, Дж. Р. (1993). *Стоимость и капитал*. Москва: Прогресс, 488.

Balatsky, E. V. (2022). Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: The Hybrid War of Civilizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 15*(6), 52–78. https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.3

Heinberg, R. (2011). *The End of Growth: Adapting to Our New Economic Reality.* New Society Publishers.

Kornai, J. (1998). The System Paradigm. *Working Papers Series,* (278).

References

Acemoglu, D., & Johnson, S. (2024). *Vlast' i progress [Power and progress: Our thousand-year struggle over technology and prosperity]*. Moscow: AST Publishers. (In Russ.)

Balatsky, E. V. (2022). Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: The Hybrid War of Civilizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 15*(6), 52–78. https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.3

Balatsky, E. V. (2022). The New Imperatives of Economic Knowledge: On the Way to Socionomics. *Sotsial'noe prostranstvo [Social area], 8*(4), 1–19. https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2 (In Russ.)

Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity]*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

Becker, G. S. (2003). *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskiy podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii [Human behavior. Economical approach. Selected works on Economic Theory]*. Moscow: HSE Publ. (In Russ.)

Heinberg, R. (2011). *The End of Growth: Adapting to Our New Economic Reality.* New Society Publishers.

Hicks, J. R. (1993). *Stoimost' i kapital [Value and Capital]*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)

Kapelyushnikov, R. I. (1993). Gary Becker's contribution to Economic Theory. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya [USA — Economics, Politics, Ideology],* (11), 17–23. (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2021). The System Paradigm and the Prospects for "Institutional Synthesis" in Economic Theory. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia], 94*(3), 17–32. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-17-32 (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2023). On Synthesis and Interdisciplinarity in Economics: Comparison of Russian and English Discourses. *AlterEconomics, 20*(1), 59–78. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4 (In Russ.)

Kleiner, G. B. (2023). System paradigm as a theoretical basis for strategic economic management in modern conditions. *Upravlencheskie nauki [Management Sciences], 13*(1), 6–19. https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-1-6-19 (In Russ.)

Kleiner, G. B. (2024). Systems Economy, Justice Society, Effective Competition: The Imperatives of the Next Day. *Sovremennaya konkurentsiya [Journal of Modern Competition], 18*(4), 6–20. https://doi.org/10.37791/2687-0657-2024-18-4-6-20 (In Russ.)

Kornai, J. (1998). The System Paradigm. *Working Papers Series,* (278).

Kovalchuk, M. V. (2021). *Ideologiya prirodopodobnykh tekhnologiy [The ideology of nature-like technologies]*. Moscow: Fizmatlit Publ. (In Russ.)

Nifaeva, O. V. (2022). Contradictory Effects of Ethical Neutrality and Formalization of Economics. *AlterEconomics, 19*(4), 563–583. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.1 (In Russ.)

Ovchinnikov, V. V. (2021). *Dva litsa Vostoka: vpechatleniya i razmyshleniya ot odinnadtsati let raboty v Kitae i semi let v Yaponii [Two Faces of the East: Impressions and reflections from eleven years of work in China and seven years in Japan]*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)

Palacios-Huerta, I. (2016). *Cherez 100 let: vedushchie ekonomisty predskazyvayut budushchee [In 100 Years: Leading Economists Predict the Future]*. Moscow: Gaydar Inst. Publ. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (1998). The Crisis of Economic Theory. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia],* (1), 46–66. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2007). *Elementy teorii reform [Elements of the Theory of Reform]*. Moscow: Ekonomika Publ. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2011). Formation of the general social analysis. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World],* (2), 101–111. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2017a). The Theory of Endogenous Economic Growth and Equations of Mathematical Physics. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association], 35* (2),193–201. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2017b). Designing the Strategies for Socio-Economic Development: Science vs. Ideology. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association], 35* (3), 198–206. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2022). On the way to a general theory of socio-economic development: Towards the synthesis of two canons. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory],* (1), 48–57. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57 (In Russ.)

Rodrik, D. (2017). *Ekonomika reshaet: sila i slabost' "mrachnoy nauki" [Economics Rules. The Right and Wrongs of the Dismal Science]*. Moscow: Gaydar Inst. Publ. (In Russ.)

Soros, G. (1996). *Alkhimiya finansov [The Alchemy of Finance: Reading the Mind of the Market]*. Moscow: Infra-M Publ. (In Russ.)

Taleb, N. N. (2012). *O sekretakh ustoychivosti: Esse; Prokrustovo lozhe: Filosofskie i zhiteyskie aforizmy [The Bed of Procrustes: Philosophical and Practical Aphorisms]*. Moscow: KoLibri Publ., Azbuka-Atgikus Publ. (In Russ.)

Tolkachev, S. A. (2024). The cyclical nature of transformations in economic orthodoxy. *Terra Economicus, 22* (3), 6–20. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20 (In Russ.)

Trenin, D., Avakyants, S., & Karaganov, S. (2024). *Ot sderzhivaniya k ustrasheniyu [From deterrence to intimidation]*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russ.)

Информация об авторе

Балацкий Евгений Всеволодович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт; https://orcid.org/0000-0002-3371-2229 (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр., 47; e-mail: evbalatsky@inbox.ru).

About the author

Evgeny V. Balatsky — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-3371-2229 (47, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru).

Дата поступления рукописи: 10.12.2024.
Прошла рецензирование: 16.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 10 Dec 2024.
Reviewed: 16 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.